

Україна - Центр

Они достойны любви

05.03.2018

23 февраля на малой сцене театра им. Кропивницкого состоялась премьера спектакля «Четыре жены одного Ивана» по пьесе Флорида Булякова. Вроде бы нехитрый сюжет – в дом престарелых, где живут героини пьесы, приходит электрик, и все они влюбляются в него, да и он не может выбрать из них единственную, – почему-то цепляет за душу...

В чем секрет этой комедии со слезами на глазах, мы решили выяснить у актеров, занятых в спектакле, – Валентины Литвиненко, Виктории Майстренко, Евгении Миронович, Тамары Лаптевой и Игоря Тарнавского.

В последнее время стала замечать, что пьесы, в которых серьезные проблемы подаются не в драматической, трагической, а в комической, даже иногда гротескной форме, воспринимаются людьми более остро. Выходишь после спектакля, во время которого чуть не все время хохотал, и понимаешь, что на самом-то деле ведь совсем не до смеха... –

Если все время на слезы давить, у человека возникает отторжение, причем на подсознательном уровне, — говорит Виктория Майстренко. — Еще многое зависит от режиссера, от его умения убрать всю «воду», отсечь все лишнее и придумать какие-то интересные вещи, вот эти наши «ноги», например...

Действительно, костюмы и декорации – это то, на что зритель обращает внимание с первой минуты. Действие проходит на своеобразном подиуме, над которым висит японский иероглиф, означающий счастье. Казалось бы, счастье этих женщин в том, что они накормлены, имеют крышу над головой, медицинское обслуживание, «живут при коммунизме», как говорит Мария, «староста» этой компании, но вся эта жизнь сосредоточена на ограниченном пространстве, их в комнате четверо, и лежат они буквально друг у друга на голове... На героинях – светлые сорочки в пол: на первый взгляд совершенно обычные, но, если приглядеться, каждая из них – шедевр, каждая по-своему украшена старыми кружевами ручного вязания такого же оттенка, и это выглядит шикарно. Автор всей этой красоты – художник Дарья Ярошенко. Еще один шедевр – ноги героинь! Видели в продаже тапки, имитирующие лапы дракона, или кота, или собаки? Вот в таком стиле сделаны ноги – и сначала это смешно, а потом возникает мысль: а ведь это хоть и утрированная, но правда... вспомните, как с возрастом раздаются когда-то аккуратные и даже миниатюрные ножки ваших бабушек... И смешно, и страшно...

Поражают и, казалось бы, мелкие женские штучки – белоснежные парики, из ниоткуда возникающие у героинь при появлении в комнате мужчины, помада и бусы, и поразительные цветущие веточки в прическе героини Виктории Майстренко Галины, имитирующие палочки в прическах японок. Ну и «бомба», добившая всех в финале, – свадебные венки Ивановых «жен»: роскошные, яркие, самобытные, соответствующие характеру каждой из них!

Но вернемся к нашим героиням. Итак, Галина (Виктория Майстренко) – с виду разбитная бабенка с бурным прошлым, о котором любит поговорить, любит выпить немного винца, попеть, «аккомпанируя» себе на метле... Почему она влюбилась в невзрачного мужичка, коим оказался пришедший чинить свет обычный электрик Иван?

– Он обычный, правда, но к каждой он нашел свой ключ. Меня он сначала стал отталкивать, мол, не нужна ты мне. И этим еще больше меня завел, и произошел во мне взрыв: я хочу свободы, туда, где степь, где воздух, где ты дышишь свободно! Из этих стен, этой тюрьмы, а она и есть тюрьма, вырваться на волю! И эта любовь – это свобода для меня! Моя героиня терпеть не может, когда ею командуют, когда есть, когда спать, когда петь, – ей нудно, ей тесно! Она не может сидеть в четырех стенах, ходить строем!

К разговору подключается Валентина Литвиненко:

А чого ти прийшла сюди? Ти ж по своїй волі прийшла. Від безвиході, самотності, безпомічності... Я з точки зору і своєї героїні, і своєї особистої кажу. До мене в житті зверталися люди з проханням, щоби я допомогла їм влаштуватися в будинок престарілих. Але ж туди ще не всіх і беруть! Скільки на вулиці сидить старих людей, в голоді, в холоді, безпритульні, безпорадні... І що для них будинок престарілих? Ось я зі своєї точки зору кажу: наче і тюрма, але ж, як моя героїня каже, «скажи спасибі, що у вас є їсти, вас лікують». Тобто це й спасіння, виживання... Ось і виникають протиріччя: маю тут жити, але хочу туди, на волю! –

– Тамара Александровна, у вас очень специфический персонаж! (Явдоха, которую блестяще сыграла Тамара Лаптева, весь спектакль лежит в постели и периодически произносит одно слово: «Ессс!», но при этом ее глаза, мимика, жесты, редкие телодвижения порой говорят больше, чем слова.) Почему ваша героиня тоже захотела бросить тот мир, к которому привыкла, где ей удобно, ради этого мужчины?

– Потому что она поняла, что кто-то может заботиться о ней! Он только зашел в комнату – и сразу обратил на нее внимание, укрыл ей ноги, подал водички. У нее в жизни никогда этого не было! Ведь она не глухонемая, все слышит, но вроде бы дала обет молчания – она не хочет говорить, ей не с кем и не о чем говорить... И вот это тепло, которое вдруг начало от Ивана исходить, разбудило в ней то, чему она подсознательно сопротивлялась. Она лежит и молчит, но ей все интересно, и она наблюдает, что здесь происходит..

— *Жінка до могили буде жінкою*, — замечает Виктория Майстренко, — *і коли з'являється цей мужичок, у неї мимоволи просинається це жіноче...*

— *А у мене головним була піч!* — вступает в разговор Валентина Литвиненко. — *Я готова в тюрму, куди завгодно, аби була там піч.* (Покойный муж Марии в свое время был знаменитым на всю округу печником. — Авт.)

Я поняла, что в доме Ивана печку — расписную, с зеркальцами — сложил муж Марии...

— *Совершенно верно*, — включается в разговор Игорь Тарнавский, — *а дом Ивана построил лучший в районе плотник, он же — покойный муж Оленьки. Такое вот совпадение, а может, и не совпадение... Он все время, говоря о мастерах, упоминает, что они земляки этих женицин.*

Когда он повторяет то, что эти мастера — наши земляки, — говорит Евгения Миронович (Оленька), — *это уже какой-то посыл... Это уже определяет наше отношение к нему.*

А я при житті чоловіка свого прибить хотіла, — продолжает свой рассказ Валентина Ивановна (Мария). — *А чому? Я не любила його, не розуміла, і тільки коли побачила одного разу, коли він ішов на роботу, його очі... А робота — то було його щастя, його життя: класти пічі, але я цього не розуміла. Тож коли побачила його очі — як у немовляти, чисті, відкриті, — вже було пізно, він пішов з життя...*

— *Але Марія й про цього каже: оленьтко. У її понятті чоловік із такими очима, що дивишся в них і розумієш, чого він хоче, вартий любові. А для мене найважливішим стала хата...* — мечтательным голосом говорит Евгения Ивановна — *лирическая, пишущая стихи покойному мужу Олечка. И это понятно: женицина, чей муж за свою жизнь выстроил жилища сотням людей, вынуждена доживать свою жизнь в казенном доме. И тут вдруг появляется мужчина, ищущий себе жену, да еще и живущий в доме, построенном ее покойным мужем.*

— *А ведь я все, что рассказываю про своих мужиков, все вру...* — говорит Виктория Петровна. — *Никого и никогда у меня не было.*

– Каждая из этих женщин, хоть и живут они вместе, сама в себе. Смотрите, пришел я, Иван, и сразу обратил внимание на Явдоху – что она замерзла, что пить хочет, – снова включается Игорь Тарнавский, – а Олечка отвечает, мол, ничего ей не будет, она сто лет тут так лежит...

– Игорь Владимирович, наверняка каждая из зрительниц, пришедших на этот спектакль, обязательно найдет в одной из ваших невест себя. Что вы хотели бы пожелать каждой из них?

Я б хотів, щоб кожна з них отримала те, чого їй не вистачає, чого вона хоче. Як у виставі – Оля запитує: «А що в тебе є?» – «Степ». – «Ну то таке...» – «Мрія». – «Та, мрія...» – «Хата». – «О, хата!» І вона все вирішила: будеш моїм нареченим! – (Смеється.) Вона знайшла те, чого їй бракує...

Фото Павла Волошина, «УЦ»

Ольга Березина